

УДК 1:801.7

ДЛЯ ЧЕГО ПЕРЕВОДИТЬ НИЦШЕ ЗАНОВО?*Перцев Александр Владимирович**Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Автор констатирует низкое качество переводов текстов Ф. Ницше на русский язык. По его мнению, именно это приводит к непониманию смысла данных текстов, к тому, что Ницше зачастую объявляется философом-иррационалистом. Анализируются альтернативные стратегии перевода И.А. Эбаноидзе и К.А. Свасьяна. Автор убежден, что перевод философского текста должен представлять собой ювелирно точную стилизацию, понятную современному читателю. В лингвистическом отношении перевод должен быть красивым, а в психологическом — должен захватывать, оказывая мощное эмоциональное воздействие. В противном случае у читателя неизбежно возникнет отчуждение, дистанцирование и от текста, и от самого автора. Язык текуч, со временем значения слов меняются, а значит, каждая культурная эпоха должна иметь свои собственные переводы выдающихся произведений прошлого. И именно поэтому Ницше необходимо переводить заново.

Ключевые слова: Ф. Ницше; перевод философских текстов на русский язык; языковое чутье; И.А. Эбаноидзе; К.А. Свасьян.

WHAT DO WE NEED RETRANSLATING NIETZSCHE FOR?*Alexander V. Pertsev**Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin*

The author states low quality of Nietzsche texts' Russian translations. According to him this leads to misunderstanding of these texts, which is why Nietzsche often is called an irrationalist philosopher. I.A. Jebanoidze and K.A. Svas'yan's alternative translation strategies are analysed. The author is certain, that translation of a philosophical text has to be a precisely exact pasticcio intelligible for modern readers. As for linguistic aspect, the translation should be fine and as for psychological aspect — it should be frantic, making strong emotional impact on the reader. Otherwise the reader inevitably be estranged and distance him/herself from the text and from the author. The language is fluctuating, word meaning changes throughout centuries, which is why each cultural period should have its own translations of previous outstanding works. Therefore Nietzsche should be retranslated.

Key words: F. Nietzsche; Russian translations of philosophical texts; linguistic feeling; I.A. Jebanoidze; K.A. Svas'yan

После того как видный российский издатель В.М. Камнев выпустил в свет книгу наших переводов (включая новый перевод первой книги «Заратустры» [1]), мне пришлось отвечать на вопрос, вынесенный в название статьи, столь часто, что сейчас уже можно анализировать богатый статистический материал. В сущности, поначалу давалось два основных ответа. Первый из них сводился к тому, что Ницше у каждого свой — точно так же, как у каждого свой Пушкин. Только на родном языке мы просто читаем поэта по-своему (и никто не может сказать, как *правильно*). А с иностранного языка мы этого поэта еще и переводим по-своему. Второй ответ несколько противоречил первому: переводить на русский язык надо не

только по-своему, но и правильно. Во всяком случае, есть определенные границы, выходить за которые (вольно или невольно) нельзя. В идеале перевод должен быть выполнен так, чтобы за него можно было ответить и перед кафедрой немецкой филологии, и перед кафедрой русской литературы, а вдобавок еще и перед кафедрой истории философии.

Иные переводы Ф. Ницше — это, бесспорно, переводы с немецкого языка, но еще, к сожалению, не переводы на русский язык. Потому что русский язык переводчику упорно не дается, выворачивается, устраивает каверзы, которые порой вы-

зывают у читателя ужас, а порой — гомерический хохот.

Убедитесь сами: разве не натерпится страха тот, кто прочитает следующий афоризм, который, по уверениям переводчика, принадлежит перу Ф. Ницше?

«Утешения. В случае смерти чаще всего нуждаешься в утешениях не столько для того, чтобы смягчить силу скорби, сколько для того, чтобы оправдать, что так легко чувствуешь себя утешенным» [5, с. 457].

С первого раза, конечно, сказанное понять невозможно. Но после пятого или шестого прочтения чудовищный смысл афоризма начинает понемногу проясняться: «В случае смерти чаще всего нуждаешься в утешениях...». До сих пор было принято полагать, что «в случае смерти» уже не нуждаешься абсолютно ни в чем — даже в утешениях. Но, видимо, так бывает только с людьми заурядными. А перед нами, видимо, откровенные признания особого существа, которое имеет богатый опыт смерти и буднично делится им. Для этого существа смерть — *всею лишь случай*. Этакая житейская коллизия, которая случается с ним частенько. И существо может отнестись к этим *случаям смерти* чисто статистически. Оно может не моргнув глазом хладнокровно отметить, что *чаще всего* в случае смерти нуждаешься в утешениях. *Реже* — не нуждаешься. Но все-таки *чаще* — нуждаешься.

Читателю остается только ужаснуться: Фридрих Ницше описывает какого-то вурдалака, то и дело умирающего, а потом воскресающего, словно граф Дракула Задунайский. Впрочем, персонаж Ницше будет даже покруче знаменитого упыря. Тот, судя по голливудским кинофильмам, все же умирал непрозаично, со всем подобающим драматизмом и саспенсом. А описываемое Ницше существо даже и в ус не дует — смерть, мол, дело житейское, поддающееся статистическому анализу.

У читателя захватывает дух. Так вот он какой, оказывается, этот знаменитый сверхчеловек...

Как же тут не испугаться и не объявить Ницше мистиком-иррационалистом?

* * *

Спешим успокоить читателя: этот регулярно умирающий тип, который делится своим посмертным опытом, ничего общего с Ницше не имеет. Он всего лишь выдумка переводчика. Впрочем, даже и не выдумка, а его невольной получившаяся неумелая поделка. Как пелось в некогда популярной песенке юного неопытного волшебника, «сделать хотел грозу, а получил козу».

На самом же деле Ницше хотел сказать вовсе не то, что ему приписывают.

Он заметил — и это подтверждает современная психология, — что во время похорон родные и близкие пребывают в каком-то одурманенном состоянии — их чувства притупляются, они, кажется, не вполне осознают, что происходит. В этот момент человек стыдится своей бесчувственности — ведь умерший заслуживал неизмеримо большей скорби!

Вот здесь-то и протягивают руку помощи окружающие: они начинают утешать тебя и дают возможность оправдаться в собственных глазах: наверное, тебя так активно утешали, что сильно утешили, а потому скорбь и уменьшилась до столь малых размеров. И, конечно, окружающие помогают таким образом не из чистого альтруизма. Они тоже стыдятся своей бесчувственности и рассчитывают на ответную помощь — на твои утешения.

На самом деле ты вовсе не бесчувственный чурбан. Просто мать-природа хорошо позаботилась о тебе. Она не дает почувствовать всю силу скорби сразу, немедленно. Это мудро. Иначе бы воин во время битвы, увидев, как гибнет его лучший друг, не смог сражаться от горя и тоже погиб. Твои родные, близкие и соратники гибнут в критических ситуациях — и ты должен быть поразительно черствым в такие моменты, чтобы справиться с ударами судьбы, несмотря на потери. Зато потом, иногда долгое время спустя, скорбь накатит на тебя со всей силой. Чувство неоправданности произошедшего может нахлынуть спустя месяцы или годы — тогда ты вдруг остро почувствуешь, насколько не хватает навсегда ушедшего человека.

Как видим, у Ницше есть только *отсроченная скорбь*, но нет и не было никаких регулярно умирающих и регулярно воскресающих монстров, которые в случае смерти обычно нуждаются в утешениях...

* * *

Вот еще — перевод бессознательно пикантный (в том смысле, что переводчик не сознает его пикантности): «Но эта птица свила у меня гнездо себе, поэтому я люблю и прижимаю ее к сердцу — теперь на золотых яйцах она сидит у меня» [3, с. 26]. Перевод был успешно доработан Институтом философии и вошел в полное собрание сочинений уже в осознанно пикантном виде: «Но эта птица свила у меня гнездо; поэтому я люблю и прижимаю ее к сердцу, — теперь сидит она у меня на своих золотых яйцах» [4, с. 35].

И все равно некоторые вопросы остались. Можно ли прижимать к сердцу птицу, которая сидит на яйцах? Для этого надо лечь? Но тогда птицу можно испугать — и она тебя больно клюнет или с кудахтаньем улетит. Или для этого надо взять птицу на руки и прижать к груди. Но тогда она перестанет сидеть на яйцах. А поднести ее к груди вместе с яйцами затруднительно в чисто техническом плане. Отчего же такие сложности в понимании? Оттого, что Ф. Ницше был далек от сельского хозяйства? Может ли переводчик поправить его, чтобы не возникал неожиданный комический эффект? Не есть ли это посягательство на классику?

Чтобы читателю стало ясно: под птицей у Ницше подразумевается добродетель — так что яйца тут вообще ни к чему; в переводе их надо «спрятать» куда-то в тень, чтобы не наводить читателя на праздные размышления о том, какую нагрузку несет этот образ — яйца добродетели. Сказать, например, что она выводит у меня своих птенцов... Но это, как говорится, дело техники, вкуса и умения переводчика.

* * *

Читая переводы Ницше, до сих пор имевшие хождение в России и переиздающиеся ныне в огромных количествах в том же виде, неладное должен был заподозрить даже тот, кто не знает немецкого языка или никогда не видел работ этого философа в оригинале. Ведь сам Ницше считал себя выдающимся стилистом — реформатором немецкого языка, который он довел до совершенства. Более того, и другие тоже признавали его большим мастером слова.

А ведь никак нельзя заподозрить в Ницше великого стилиста, если читать его в русских переводах! Уж больно нескладно он порой изъясняется по-русски — просто какое-то бормотание. Как спрашивается, он мог вдохновить такой поэзией на творческие подвиги многих композиторов? К примеру, Карл Орф в 17 лет был настолько потрясен «Заратустрой», что взялся за сочинение оратории на текст «Ночной песни» из этой книги Ницше, даже не имея систематического музыкального образования. В 1898 г. Фредерик Дилиус написал цикл песен на стихи Ницше. Оратории и кантаты с его текстами создавались и менее известными композиторами — К. Блейле, А. Дипенброком, Ф. Фришеншлагером, О. Фридом, Э. фон Резничек. Песни на стихи Ницше писали В. Петерсон-Бергер, А. Веберн, А. Шенберг. Неужели же все эти композиторы страдали таким

поэтическим дурновкусием, что вдохновлялись столь косноязычными текстами?

Представим себе на минутку, что А.С. Пушкин обратился бы к А.П. Керн с такой нескладухой, которую переводчики приписывают Ницше:

«Легко я чувствую утешенным себя...»

Многие ли композиторы бросились бы писать музыку на эти стихи? Ведь это был девятнадцатый век, и требования к поэзии предъявлялись более высокие, чем на современных «фабриках звезд»...

* * *

Итак, переводить тексты Ф. Ницше заново нужно, во-первых, потому что прежние переводы страдают тяжелым косноязычием. Иногда это просто немецкий язык, в котором слова поштучно заменяются русскими, но такая «конструкция» не становится русским языком. Точно так же не является английским тот «Pigeon English», на котором говорит население Брайтон-Бич, или тот «Pigeon English», который у нас почему-то считается считается признаком продвинутой учености и насаждается в вузах. Ох, не Шекспира это язык и не Твена...

Русский человек обладает языковым чутьем — содержание этого термина известно любому филологу. Он инстинктивно чувствует, что вот это слово тут непонятно почему не подходит — не подходит, и все тут! Поэт, мучимый поиском слова, может затосковать, запить, впасть в депрессию от сознания своей бездарности. Человек, который владеет «Pigeon English» или «Pigeon Russian», никогда мучиться таким образом не будет. Для него язык — это не дом Бытия, при котором человек достоин служить только пастухом, т.е. беречь и хранить, но отнюдь не творить Бытие по собственному усмотрению (это немецкий и русский взгляд на вещи). А вот для представителя англосаксонской культуры, на наш взгляд, все — информация, и не более того. И стихи — информация. И философия — информация. И теология — информация. А раз так, то языки можно менять как перчатки или как языки компьютерного программирования. А сейчас можно одним нажатием клавиши перевести любой текст на любой язык и обратно — машинное, в сущности, дело. Получившийся на экране собачий бред ничтожен в художественном и философском отношении, но все-таки вполне информативен...

Для подлинного носителя языка каждое слово в нем тянет за собой целую массу смыслов. На этом и стоит герменевтика, которая есть в Германии, есть в России — достаточно назвать

Ю. Тынянова и А. Вознесенского, — но которой нет ни в Англии, ни в Америке. Для работы с информацией герменевтика не нужна. Л. Витгенштейн приучил всех позитивистов и многих других вслед за ними: то, о чем может быть сказано, должно быть сказано ясно, а о том, о чем не может быть сказано, надлежит молчать.

Вот, к примеру, слышит настоящий носитель русского языка выражение «тихий час». Человек, выросший в космосе иной культуры, — к примеру, американец или француз, — поймет это выражение просто: это — час, в который наступает тишина. Но у человека, перенесшего на себе эксперименты «с тихим часом» в России, непременно возникнут ассоциации с целым культурным миром — пионерлагерь или нынешний лагерь отдыха; послеобеденный сон, навязываемый детям, которые не понимают его необходимости и желают скакать; строгие воспитатели и вожатые, которые тоталитарно обуздывают вольницу; лицемерие — демонстративный сон при полном отсутствии его хотя бы в одном глазу и так далее...

И вот представим себе, что этому человеку надо перевести Ф. Ницше. Тот считал, что послеполуденный час — это час откровения, когда время замирает и открывает себя Жизнь как Бытие. Именно в такой час его посетила мысль о Вечном Возвращении.

Так может ли носитель подлинного русского языка назвать главу об этом «Самый тихий час [4, с. 152]»? Не может! Это какое-то название детской комедии про хулиганов Петрова и Васечкина! Ну, хотя бы — «Час тишины». Или «Час великого безмолвия».

* * *

Не зря говорят, что переводчик прозы — раб, а переводчик поэзии — соперник. Впрочем, это еще смотря какая проза... Вот переводчик информационных сообщений точно раб, с успехом замененный ныне машиной. Соперник все переиначивает. Он видит в переводимом поэте не индивидуальность, которую надо воспроизвести, а всего лишь выразителя некоего бытийного смысла. Бытие сказало себя через него, но он как-то искажил его глас. Можно было бы и лучше передать высший бытийный смысл! Как говорит в таких случаях носитель русского языка: «Ты не ловок, дай-кось я!».

Вот Ф. Ницше описывает, как Заратустра встретился в горах с Солнцем и вступил с ним в беседу: «Ты, великое светило! В чем заключалось бы твое счастье, если бы не было у тебя тех, кому ты светишь?»

Десять лет поднималось ты сюда, к моей пещере: тебе давно уже надоело бы светить здесь и проходить этим путем, не будь меня, моего орла и моей змеи.

Но мы ждали тебя каждое утро, брали у тебя твой избыток, освобождая от него, и благословляли тебя за это.

Смотри! Я переполнился избытком мудрости моей, словно пчела, собравшая чересчур много меда; мне нужны протянутые ко мне руки».

В.В. Маяковский был настолько потрясен этим образом пророка, беседующего с Солнцем, что стал именовать себя «крикогубым Заратустрой» [2]. Но ведь переиначил он все, переиначил! Потому что поэт и соперник. Было дело не с Заратустрой, а с ним лично и не на абстрактной горе, а в конкретном месте — на Акуловой горе, в Пушкино, на даче Румянцева. Что именно было, знает каждый, кто прочитал «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче». Кто не прочитал, пусть найдет в Интернете и прочитает. В общем, поэт дерзко позвал Солнце к себе в гости и держал себя с ним на равных, как Заратустра.

«И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
“Ты да я,
нас, товарищ, двое!
Пойдем, поэт,
взорим,
вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить свое,
а ты — свое,
стихами”.
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Стихов и света кутерьма
сияй во что попало! <...>.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой
и солнца!»

Соперничать с Солнцем, состязаться с гением — это естественное состояние всякого насто-

ящего художника. Так говорил Фридрих Ницше. Так говорил Владимир Маяковский, соперничавший со всеми великими: только так когда-нибудь возникнет сверхчеловек.

«Любить —
это с простынь,
бессонницей
рванных,
срываться,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Ивановны,
считая
своим
соперником».

*(Письмо тов. Кострову из Парижа
о сущности любви)*

Сегодня, во времена Интернета и татуированных женщин, соперничать с гениями не заказано никому. Каждый может написать и опубликовать все что угодно. А потом долго чатиться и переругиваться: Интернет в этом плане — лучшее место для поэтов, у которых, по тонкому замечанию Д. Кедрина, «есть такой обычай — севши в круг, оплевывать друг друга»...

* * *

Недавно автор прочел гениальный анекдот, который вместил в себя всю историю философии и всю эволюцию методологии науки, про трех футбольных судей. Первый сказал: «Я сужу то, что реально происходит». Второй сказал: «Я сужу то, что вижу». Третий сказал: «Существует только то, что я называю».

По поводу третьего. Судья видел положение вне игры, но не назвал его. Значит, офсайда не было. Не было штрафного. Не было свободного. Не было игры рукой. И в науке существует только то, что названо. И отыскивается только то, что ищется, а предопределяется направление поиска исходным представлением, существующим в языке.

Глубинный смысл анекдота применительно к нашей теме таков.

Первый переводчик полагает, что существует «Ницше сам-по-себе» — как он есть, объективно. Мы все дружно, толпой ученых, со всех сторон сразу приближаемся бесконечно к его верному переводу и когда-нибудь приблизимся. А пока результат надо закрепить в полном собрании сочинений Ницше на русском языке как канонический перевод, одобренный авторитетным органом. Так

же думали участники Никейского собора — в Бога каждый верит по-своему, но не помешает и общеобязательный символ веры.

Прекрасно, что так не считает И.А. Эбаноидзе, убежденный демократ и сторонник свободы слова. И все же он полагает, что Ницше должна исследовать история философии, а это — наука. По умолчанию предполагается, что наука исследует объективную реальность. Ницшеанство — это объективная реальность, которую должно исследовать сообщество ученых, не внося в нее ничего субъективного — никакой отсебятины. И.А. Эбаноидзе ищет в Ницше науку философию — и находит ее. Он переводит Ницше академически, в виде комментированного полного собрания сочинений, т.е. строго научно. Там, в ницшеанстве, существует то, что он называет. Все остальное названия не достойно и может быть отброшено как несущественное.

* * *

Совсем другие переводы Ф. Ницше предлагает второй переводчик — К.А. Свасьян в зависимости от того, как он видит Ф. Ницше и что называет. Он импрессионист. Он переводит то, что видит, а не то, что есть на самом деле.

Ф. Ницше видится ему поэтом и филологом, экспериментирующим с языком, а всякие философские умствования у него не главное. Так, заумь. Суть своей интерпретации Ф. Ницше К.А. Свасьян определяет, описывая его стиль следующим образом: «Бесконечные неологизмы, игра слов, охота за корнесловием, мстительные подоплеку смысловых обертонов, заумь» [7, с. 771].

В эту же игру играет и К.А. Свасьян, воспроизводя «Ницше-как-он-его-понимает» в своих переводах. Переводы К.А. Свасьяна нельзя читать легко, не разгадывая головоломки. Он к тому же добился того, что в его тексте схвачена, по его собственному признанию, ницшеанская «*совершенная лингвистическая гермафродитичность уже-не-слова-еще-не-музыки*» [7, с. 771].

* * *

Можно переводить Ф. Ницше и так, чтобы это соответствовало его собственным представлениям о своем учении. Оно однажды в молодости было охарактеризовано им как «Несвоевременные мысли», т.е. мысли, несообразные времени, не привязанные к нему. Точно так же, как мы смотрим сегодня на культуру Древней Греции с дистанции в двадцать пять веков, мы должны смотреть и на современность — откуда-то из далекого будущего, практически из вечности. Учение о За-

ратустре и провозглашенном им сверхчеловеке, по мнению Ницше, будет существовать вечно. Значит, надо переводить ницшеанство таким языком, чтобы невозможно было определить, не вглядываясь в микроскоп, в какое именно время оно было создано.

Самое главное, что должно было делать ницшеанство, — вселять энергию в человечество. Порождать в нем энтузиазм и жизненный порыв. А музейные экспонаты никаких эмоций и страстей не вызывают — разве что ностальгию по прошлому. Они, музейные экспонаты, никого никуда не зовут и не ведут, никого ни на что не вдохновляют.

Значит, ницшеанство — если следовать замыслу его создателя — должно постоянно выглядеть самым современным учением, что называется, с пылу, с жару. Оно должно в любое время, в любой век заражать жизненной энергией. Поэтому любой перевод Ф. Ницше должен быть, по нашему мнению, тонкой стилизацией: читатель XXI в. должен верить, что именно так говорил мыслитель XIX в. Ф. Ницше, но при этом воспринимать этого отдаленного во времени человека как своего современника и вдохновителя на великие свершения в будущем.

Тексты Ницше могут эмоционально затронуть нашего современника, если он не почувствует с самого начала, что имеет дело с музейным экспонатом. Если только читатель заметит, что текст принадлежит человеку, который жил в другое время и в другой стране, немедленно произойдет отстранение, возникнет дистанция, исключаящая сопереживание. Текст не захватит читателя, не отзовется в его душе. Или отзовется, но, к сожалению, совсем не так, как хотел его автор.

Пояснять эту мысль лучше всего отечественными примерами. Современный российский школьник весело хохочет, читая эпитафию, избранный А.Н. Радищевым для «Путешествия из Петербурга в Москву»: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайяй». Даже если учительница и объяснит, что В.К. Тредиаковский описывал такими словами адского пса Кербера, а первый русский революционер А.Н. Радищев, цитируя его, желал показать, насколько ужасен вид русского самодержавия, школьник все равно будет веселиться, слыша про *озорного* пса.

А все потому, что язык текуч и с каждым веком значения слов меняются. Слово *озорной* уже давно означает *шаловливый, игривый*, и вовсе не означает *необузданный*. Прежнее значение давно позабыто: только филологи еще помнят, что *озо-*

рвали и *пошаливали* на дорогах в позапрошлом веке вовсе не какие-то милые шутники, а самые настоящие грабители и убийцы.

* * *

Да, для того чтобы текст, дошедший из прошлого, не воспринимался как *окаменелость*, как музейный экспонат, не имеющий никакого отношения к современной жизни, он не должен вызывать ни малейшего лингвистического и исторического *отторжения* и *дистанцирования*.

Почему принято считать, что перевод подобен девушке: либо он красивый, но неверный, либо верный, но некрасивый? Потому что «верный» перевод является рабским: в случае с Ницше он представляет собой тщетную попытку сохранить строй немецкого языка и буквальное значение немецких слов. В лингвистическом отношении он — некрасив. В психологическом отношении он не способен вызвать у читателя живые, а не архивные чувства и мысли, потому может заинтересовать собой только какого-нибудь нудного телезатока.

Нет, перевод непременно должен представлять собой искусную стилизацию, меняющуюся с каждым веком, — такую, чтобы современник переводчика, читая русский текст, поверил, будто *немец* Ницше *во второй половине XIX в.* писал и говорил именно так.

Вот еще один отечественный пример. Каждый из наших читателей до сих пор непоколебимо уверен, что князь Святослав — блестящий воин Древней Руси — предупреждал о своем походе врагов, сообщая им: «Иду на вы!»

Читая эти слова, школьник испытывал самые живые чувства, проникаясь рыцарским благородством. Нападать врасплох нечестно и низко! Кстати, говорят, именно потому задержался в развитии британский подводный флот. Британская королева, услышав описание субмарины, пришла в негодование: «И что же, эта подводная лодка будет атаковать противника, не известив его о своих намерениях и не продемонстрировав ему британского флага?»

Но ведь Святослав никогда не говорил: «Иду на вы!» По свидетельству летописца, он говорил совсем другие слова: «И посылаше к странам глаголя: “Хощю на вы ити!”»

Так что мы, вкладывая в уста Святослава слова «Иду на вы!», ничуть не приближаемся к так называемой объективной истине, а намеренно удаляемся от нее. Мы намеренно забываем то, что говорил Святослав (по мнению летописца!), и приписываем ему совсем другие слова — *краси-*

вые, но неверные. Но можем ли мы поступить иначе?

Читатель вполне способен сам судить об этом. Ему достаточно будет представить, как бы он отреагировал в детстве, если бы ему не адаптировали слова Святослава, а преподнесли их на уроке в первозданном виде. Так и написали бы на доске: «Хощю на вы ити!» Предстал бы Святослав бездарным двоечником, никаких благородных чувств не вызывающим.

Но точно так же он, Святослав, великий князь киевский, не вызвал бы у нас великого чувства гордости за далеких предков, если бы его слова были переведены на современный русский язык абсолютно без всякой исторической стилизации: «Иду на вас!» Как-то было бы это чересчур прозаично и неправдоподобно. Языковое чутье немедленно подсказало бы школьнику: больно уж это похоже на современный язык. Наверное, древнерусские витязи все-таки так не говорили...

Именно потому и говорит великий князь киевский Святослав из учебника, глядя на превосходящие силы противника: «Не посралим землю Русскую, но ляжем костями тут! Мертвые сраму не имут!» Только такая стилизация способна убедить *современного* юного читателя, что именно эти слова говорил *благородный русский воин X в.*

Те же самые слова в пересказе византийского хрониста X в. Льва Дьякона (и в современном *научном* переводе) звучат гораздо бледнее: «Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством. Мы должны либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, достойные доблестных мужей» [цит. по: 6, с. 118].

Не пробирает... Скучно, бесцветно, без всякой стилизации — абсолютно современный русский язык.

Но и дословно цитировать князя Святослава нельзя, не превращая его сразу же в музейный экспонат: «Да не посралим земле Русьские, но ляжем костию ту! Мъртви бо срама не имам; аще ли побегнем, то срам имам».

* * *

Вопрос тут только в одном: зачем мы вообще пишем историю? Чтобы собрать в музей окаменелости? Чтобы заучить факты и правильные ответы для компьютерного тестирования? Или чтобы *проникнуться историей*? Чтобы черпать из нее понимание и энергию для сегодняшней жизни? Ф. Ницше без колебаний выбирал последний вариант ответа. Он прямо заявлял, что произведе-

ния прошлого должны в каждый век *пересказываться заново*.

Значит, и переводы его собственных работ должны регулярно обновляться, чтобы быть *ювелирно точными стилизациями*, а не результатами лингвистического прозекторства, изумительно точного, но предполагающего работу с мертвечиной. Каждая эпоха должна иметь свои переводы великих поэтов, писателей и философов — только при этом условии их произведения будут восприниматься как кладези жизненной энергии, живо воздействующие на людей, наших современников. А значит, и Ницше должен представлять в своих текстах как человек вне времени и даже вне народа (кстати, сам он считал себя поляком, наиболее близким по стилю мышления к французам и древним грекам). Требовалось сделать из работ Ницше произведения *русской литературы* — чтобы читатель не чувствовал и временного отстранения, и отстранения от «иноземщины». Насколько это удалось — судить читателю [1].

Список литературы

1. *Избранные* переводы из Ницше профессора А.В. Перцева. СПб.: Владимир Даль, 2014. 240 с.
2. *Маяковский В.В.* Крикогубый Заратустра: избр. произв. 1912–1917. СПб.: Вита Нова, 2012. 544 с.
3. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 5–237.
4. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Полное собрание сочинений: в 13 т. / Институт философии. М.: Культурная революция, 2007. Т. 4. 432 с.
5. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 232–491.
6. *Рыбаков Б.А.* Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Мол. гвардия, 1987. 352 с.
7. *Свасьян К.А.* Примечания // *Ницше Ф.* Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 770–809.

Получено 01.08.2015

References

1. *Izbrannye perevody iz Nitsshe professora A.V. Pertseva* [Selected translation of Nietzsche by professor A.V. Pertsev]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2014, 240 p. (In Russian).
2. *Mayakovskiy V.V.* [Krikogubuj Zarathustra]. *Izbrannye proizvedeniya 1912–1917* [Selected works 1912–1917]. Saint Petersburg, Vita Nova Publ., 2012, 544 p. (In Russian).
3. Nietzsche F. [Thus spoke Zarathustra]. *Sochineniya*

- v 2 t. [Oeuvre in 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 2, pp. 5–237. (In Russian).
4. Nietzsche F. [Thus spoke Zarathustra]. *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t.* [Complete set of works: In 13 vol.]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2007, vol. 4, 432 p. (In Russian).
 5. Nietzsche F. [Human, all to human]. *Sochineniya: v 2 t.* [Oeuvre in 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1, pp. 232–491. (In Russian).
 6. Rybakov B.A. *Mir istorii. Nachal'nye veka russkoj istorii* [The world of history. Early years of Russian history]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1987, 352 p. (In Russian).
 7. Svas'yan K.A. [Commentary]. Nietzsche F. *Sochineniya: v 2 t.* [Oeuvre in 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1996, vol. 2, pp. 770–809. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.08.2015

Об авторе

Перцев Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой истории философии и
философии образования

Уральский Федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социальных и политических наук,
620000, Екатеринбург, ул. Ленина, 51;
e-mail: apertzev@mail.ru

About the author

Pertsev Alexander Vladimirovich
Doctor of Philosophy, Professor,
Head of Department of History of Philosophy
and Philosophy of Education

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of Social and Political Sciences,
51, Lenin str., Yekaterinburg, 620000, Russia;
e-mail: apertzev@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Перцев А.В. Для чего переводить Ницше заново? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 24–31.

Please cite this article in English as:

Pertsev A.V. What do we need retranslating Nietzsche for? // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 24–31.